

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАНУЛИН против РОССИИ»

(Жалоба № 26676/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено 11 апреля 2013 г.
Вступило в силу 11 июля 2013 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Манулин против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Хаджиев,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 19 марта 2013 г.,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 26676/06) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Манулина Кирилла Викторовича (далее — «заявитель») 3 апреля 2006 г.

2. Интересы заявителя представлял Д. Аграновский, адвокат, практикующий в Московской области. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что он содержался под стражей в бесчеловечных условиях, и что срок его содержания под стражей было чрезмерно длительным.

4. 17 сентября 2010 г. жалоба была коммуницирована Властям Государства-ответчика. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, 1985 года рождения, проживает в г. Москве.

А. Общие сведения

6. Заявитель являлся членом «Национал-большевистской партии» («НБП»).

7. 14 декабря 2004 г. группа, состоящая примерно из сорока членов «Национал-большевистской партии», заняла приемную здания Администрации Президента в г. Москве и забаррикадировалась в кабинете на первом этаже.

8. Они требовали встречи с Президентом, заместителем главы Администрации Президента и советником Президента по экономическим вопросам. Через окно они раздавали листовки, представляющие собой отпечатанные письма Президенту, в которых перечислялись десять допущенных Президентом нарушений Конституции и требования о его отставке.

9. Злоумышленники находились в кабинете около полутора часов, пока полиция не сломала запертую дверь и не арестовала их. Они не оказывали сопротивление властям.

Б. Уголовное дело в отношении заявителя

10. 17 декабря 2004 г. Хамовнический районный суд г. Москвы вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу, сославшись на тяжесть предъявленных обвинений, обстоятельства, при которых было совершено вменяемое ему преступление, методы, использованные преступниками, а также на риск его побега, повторного совершения преступления, оказания давления на свидетелей или попытки вмешаться в ход расследования каким-либо другим образом.

11. Заявитель обжаловал данное постановление, ходатайствуя перед судом о замене меры пресечения на более мягкую. Он утверждал, что выводы районного суда не были подкреплены конкретными фактами. 19 января 2005 г. Московский городской суд оставил без изменения постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, посчитав, что оно было законным, обоснованным и оправданным.

12. 21 декабря 2004 г. заявителю было предъявлено обвинение в попытке насильственного захвата государственной власти (статья 278 УК РФ), умышленном уничтожении и повреждении чужого имущества (часть 2 статьи 167 УК РФ) и вандализме (статья 214 УК РФ).

13. В неустановленный день прокурор ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей до 14 апреля 2005 г., ссылаясь на необходимость проведения дальнейшего расследования. Заявитель ходатайствовал об освобождении. Он сослался на отсутствие у него судимости, наличие постоянного места

жительства в г. Москве и тот факт, что он являлся студентом. Он также утверждал, что не смог бы оказать давление на свидетелей, поскольку не был с ними знаком.

14. 4 февраля 2005 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 апреля 2005 г., ссылаясь на тяжесть обвинения, обстоятельства, при которых было совершено вменяемое ему преступление, и риск побега или попытки воспрепятствовать отправлению правосудия. Обстоятельства, указанные заявителем, были приняты во внимание во время его содержания под стражей. Поскольку эти обстоятельства не изменились, не имелось никаких оснований для изменения меры пресечения.

15. 16 февраля 2005 г. обвинение в отношении заявителя было перекалифицировано на часть 2 статьи 212 Уголовного Кодекса (участие в массовых беспорядках).

16. 14 апреля 2005 г. Замоскворецкий районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 июля 2005 г. по следующим основаниям:

«Не имеется оснований для изменения меры пресечения. Принимая во внимание тяжесть обвинений и обстоятельства дела [заявителя], суд считает, что имеются достаточные основания полагать, что [он], после освобождения, может попытаться скрыться.

В то же время, помня о том, что участники уголовного судопроизводства уже приступили к изучению дела, продление срока содержания под стражей, о котором просит обвинение, представляется чрезмерным, и должно быть ограничено тремя месяцами. Данного периода времени будет достаточно для того, чтобы все участники процесса надлежащим образом изучили все материалы дела».

17. Заявитель обжаловал данное постановление, утверждая, что выводы районного суда были предположительными и не были подкреплены конкретными доказательствами. 7 июня 2005 г. Московский городской суд оставил без изменения постановление о продлении срока содержания под стражей, посчитав, что оно было законным, обоснованным и оправданным.

18. 7 июня 2005 г. расследование было завершено, и тридцать девять человек, включая заявителя, предстали перед судом.

19. 20 июня 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы назначил дату предварительного слушания дела на 30 июня 2005 г. и постановил, что все обвиняемые по делу при этом должны оставаться под стражей.

20. 30 июня 2005 г. Тверской районный суд провел предварительное слушание. Он отклонил ходатайства подсудимых об освобождении и постановил, что они должны оставаться под стражей до суда, сославшись на тяжесть обвинений, выдвинутых против них, и

на риск их побега или воспрепятствования правосудию. 17 июня 2005 г. Московский городской суд оставил постановление без изменения.

21. Рассмотрение дела началось 8 июля 2005 г.

22. Во время заседания 27 июля 2005 г. заявитель и другие подсудимые вновь подали ходатайства об освобождении. В тот же день Тверской районный суд оставил ходатайства без удовлетворения, сочтя содержание под стражей законным и обоснованным. 5 октября 2005 г. Московский городской суд, рассмотрев жалобу, оставил данное решение без изменений.

23. 10 августа 2005 г. заявитель и другие обвиняемые вновь подали ходатайства об освобождении. В тот же день Тверской районный суд оставил их без удовлетворения. Он постановил:

«Суд учитывает аргумент стороны защиты о необходимости индивидуального подхода к ситуации каждого обвиняемого при избрании меры пресечения.

Рассматривая причины, на основании которых... суд распорядился избрать заключение под стражу в качестве превентивной меры и продлить срок содержания под стражей в отношении всех подсудимых без исключения... суд отмечает, что данные основания по-прежнему существуют и на сегодняшний день. В силу вышесказанного, принимая во внимание состояние здоровья, семейное положение, возраст, род занятий и характер всех подсудимых, а также личные гарантии, предлагаемые от их имени определенными частными лицами и включенные в материалы дела, суд приходит к выводу, что в случае освобождения каждый из заявителей может попытаться скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия каким-либо образом...

По мнению суда, в данных обстоятельствах, учитывая тяжесть предъявленных обвинений, отсутствуют основания для изменения или отмены меры пресечения в отношении любого из обвиняемых...»

24. 2 ноября 2005 г. Московский городской суд оставил без изменений данное решение, посчитав, что оно было законным, достаточно обоснованным и оправданным.

25. 8 декабря 2005 г. Тверской районный суд признал заявителя и других обвиняемых виновными в участии в массовых беспорядках. Он приговорил заявителя к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком в два года. После этого заявитель был незамедлительно освобожден.

26. 29 марта 2006 г. Московский городской суд оставил приговор в силе.

В. Условия содержания заявителя под стражей

27. С 14 декабря 2004 г. по 8 декабря 2005 г. заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 г. Москвы.

28. По утверждению заявителя, камеры изолятора были переполнены. Площадь его камеры составляла 28 кв. метров, в ней

содержалось от восьми до пятнадцати заключенных. Свет никогда не выключался, что мешало заявителю спать. Камера была полна тараканов. Камера была оборудована санузлом. Санузел был отделен от жилой зоны перегородкой высотой в один метр, в результате чего человек, использующий туалет, был на виду у других заключенных. Заявитель мог принимать душ один раз в неделю. Горячей воды часто не было. Заявителю полагалась ежедневная прогулка, длящаяся около часа. Прогулочный плац площадью 15 квадратных метров был крытым.

29. По данным Властей, с 14 декабря 2004 г. по 3 февраля 2005 г. заявитель содержался в камере № 413, с 3 февраля по 22 октября 2005 г. — в камере № 432, с 22 по 28 октября 2005 г. — в камере № 435, с 28 октября по 23 ноября 2005 г. — снова в камере № 432, и с 23 ноября по 8 декабря 2005 г. — в камере № 433. Все камеры имели площадь 18,3 кв.м., за исключением камеры № 435, площадь которой составляла 18,5 кв.м. В каждой из камер имелось пять спальных мест и размещались пятеро заключенных. Заявителю всегда предоставлялась отдельная койка и постельные принадлежности. В поддержку своей позиции, Власти предоставили поэтажные планы камер с размещением мебели, справки, выданные начальником следственного изолятора 22 октября 2010 г., и несколько письменных показаний охранников, некоторые из которых были датированы 19 октября 2010 г., а на остальных дата указана не была. Они также предоставили отдельные страницы журнала учета численности заключенных, в котором ежедневно фиксировалось количество спальных мест и число заключенных в каждой камере, общее количество заключенных в каждом из семи корпусов следственного изолятора, а также общее число заключенных во всем следственном изоляторе.

30. Ссылаясь на справки от 22 октября 2010 г., полученные от начальника следственного изолятора, и письменные заявления охранников от 21 октября 2010 г., Власти также утверждали, что все камеры были оборудованы туалетами, которые были отделены от жилой зоны перегородками. В камерах имелась принудительная вентиляция. Окна были большими и не были заблокированы ставнями. В камерах было достаточное количество искусственного света, приборы освещения были расположены таким образом, чтобы не нарушать сон заключенных. В следственном изоляторе не имелось никаких насекомых или грызунов, поскольку все камеры регулярно подвергались дезинфекции. Заключенным полагались ежедневные часовые прогулки на прогулочном плацу, который был достаточно большим, чтобы каждый заключенный мог заниматься физическими упражнениями.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

31. Для ознакомления с соответствующими положениями национального законодательства, регулирующего условия и продолжительность содержания под стражей до суда, см. постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова против России» (*Dolgova v. Russia*), жалоба № 11886/05, пункты 26-31, и постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу «Линд против России» (*Lind v. Russia*), жалоба № 25664/05, пункты 47-52.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

32. Заявитель жаловался на то, что условия его содержания под стражей в период с 14 декабря 2004 г. по 8 декабря 2005 г. в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 г. Москвы нарушали положения статьи 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость жалобы

33. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал эффективные внутренние средства правовой защиты, которые были ему доступны. В частности, он не пытался обратиться в суд за компенсацией морального вреда. Чтобы доказать эффективность этого средства, Власти сослались на три решения, которыми гражданам Б., Р. и Е. была присуждена денежная компенсация за ненадлежащие условия содержания под стражей или отсутствие адекватной медицинской помощи. Также заявитель имел возможность обратиться с жалобой к начальнику следственного изолятора или прокурору, причем такая жалоба являлась бы, по мнению Властей, эффективным средством правовой защиты. Они ссылались на ремонтные работы, которые были проведены в следственных изоляторах Московской и Смоленской областей после проверки, проведенной Генеральным прокурором.

34. Суд уже отклонял идентичные возражения российских властей по ряду дел, касающихся условий содержания под стражей, установив, что гражданский иск не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции (см., например, постановления Европейского Суда по

делам *«Александр Макаров против России» (Aleksandr Makarov v. Russia)*, от 12 марта 2009 г., жалоба № 15217/07, пункты 82-91; *«Кокوشкина против России» (Kokoshkina v. Russia)*, от 28 мая 2009 г., жалоба № 2052/08, пункт 52; *«Ананьин против России» (Ananyin v. Russia)*, от 30 июля 2009 г., жалоба № 13659/06, пункт 62; *«Артёмов против России» (Artyomov v. Russia)*, от 27 мая 2010 г., жалоба № 14146/02, пункт 112; *«Арефьев против России» (Arefyev v. Russia)*, от 4 ноября 2010 г., жалоба № 29464/03, пункт 54; и *«Гладкий против России» (Gladkiy v. Russia)*, от 21 декабря 2010 г., жалоба № 3242/03, пункт 55). В постановлении от 10 января 2012 г. по делу *«Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia)* (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункты 100-119), Суд, установив факт нарушения статьи 13 Конвенции, пришел к выводу о том, что на данный момент правовая система Российской Федерации не обладает эффективными средствами правовой защиты, которые могут быть использованы для предотвращения или пресечения таких предполагаемых нарушений, и обеспечить предоставление заявителю адекватной и достаточной компенсации в связи с жалобами на ненадлежащие условия содержания под стражей.

35. В рассматриваемом деле Власти не представили никаких доказательств, которые бы позволили Суду не принять данные выводы в отношении существования эффективных средств правовой защиты от структурной проблемы переполненности пенитенциарных учреждений в Российской Федерации. Несмотря на то, что Власти сослались на несколько судебных решений и актов прокурорского реагирования, в рамках которых, как утверждалось ими, за ненадлежащие условия содержания под стражей была предоставлена компенсация, они не предоставили копии этих решений. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

36. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

37. Власти утверждали, что условия содержания заявителя под стражей были удовлетворительными. Количество заключенных в его камерах соответствовало их проектной вместимости, и ему всегда предоставлялось индивидуальное спальное место и постельные принадлежности. Также он значительную часть времени проводил вне камеры. В частности, он принимал участие в следственных действиях,

встречался с адвокатами и с родственниками, и имел возможность ежедневно посещать прогулочный плац и душевую комнату. Заключенные также имели возможность молиться в специально отведенном для этого помещении или работать в производственных мастерских. Также они могли получить помощь психолога. Камеры имели естественное и искусственное освещение. Все санитарно-гигиенические нормы были соблюдены. Заключенные получали пищу три раза в день. В целом, условия содержания заявителя соответствовали положениям статьи 3 Конвенции.

38. Заявитель настаивал на своей жалобе.

39. Суд отмечает, что стороны оспаривают некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 в г. Москве. В частности, их мнения разошлись в отношении размеров камер и количества заключенных в камерах, в отношении их санитарного состояния, наличия освещения и вентиляции, а также в отношении возможности упражнений на открытом воздухе. Однако Суду не нужно устанавливать достоверность каждого из утверждений. Основной фактор, который играет роль в оценке, — это жилое пространство, предоставлявшееся заявителю.

40. Суд повторяет, что производство по жалобам на нарушения Конвенции, как, например, по настоящей жалобе, не всегда характеризуется неуклонным применением принципа *affirmanti incumbit probatio* (бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне), поскольку в некоторых случаях только Власти имеют доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть данные утверждения. Непредставление Властями такой информации без убедительного объяснения причин такого поведения может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (см., среди других источников, постановление Европейского Суда по делу «*Фадеева против России*» (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба № 55723/00, пункт 79, ECHR 2005-IV; и постановление Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу «*Ахмет Озкан и другие против Турции*» (*Ahmet Ozkan and Others v. Turkey*), жалоба № 21689/93, пункт 426).

41. В поддержку своих утверждений относительно размеров камер, количества заключенных в камерах, а также наличия отдельного спального места, Власти предоставили справки, выданные начальником следственного изолятора, письменные заявления надзирателей, и отдельные страницы журнала учета численности заключенных, где каждый день фиксировалось количество спальных мест и число заключенных в каждой камере, общее количество заключенных в каждом из семи корпусов следственного изолятора, а также общее количество заключенных во всем следственном изоляторе. (см. пункт 29 выше).

42. Справки начальника следственного изолятора были выданы 22 октября 2010 г., спустя значительный период времени после того, как заявитель покинул следственный изолятор. Суд неоднократно отказывался признавать законность подобных справок на том основании, что они не могут рассматриваться как достаточно надежные доказательства, принимая во внимание прошедший период времени и отсутствие дополнительных документальных доказательств (см. постановление Европейского Суда от 13 ноября 2007 г. по делу «*Белашев против России*» (*Belashev v. Russia*), жалоба № 28617/03, пункт 52; постановление Европейского Суда от 10 июля 2008 г. по делу «*Сударков против России*» (*Sudarkov v. Russia*), жалоба № 3130/03, пункт 43; вышеуказанное постановление по делу «*Кокошкина против России*», пункт 60; постановление Европейского Суда от 16 декабря 2010 года по делу «*Кожокар против России*» (*Kozhokar v. Russia*), жалоба № 33099/08, пункт 95; постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 мая 2012 г. по делу «*Идалов против России*» (*Idalov v. Russia*), жалоба № 5826/03, пункты 99-100; постановление Европейского Суда от 23 октября 2012 г. по делу «*Зенцов и другие против России*» (*Zentsov and Others v. Russia*), жалоба № 35297/05, пункт 43). Аналогичным образом, что касается заявлений надзирателей, представленных Властями, Суд считает невероятным, что в октябре 2010 г., спустя почти пять лет после того, как срок содержания заявителя под стражей в этом изоляторе закончился, сотрудники изолятора смогли вспомнить точное количество заключенных, которые содержались совместно с заявителем (см. аналогичное обоснование в постановлениях Европейского Суда по делам «*Игорь Иванов против России*» (*Igor Ivanov v. Russia*), от 7 июня 2007 г., жалоба № 34000/02, пункт 34; «*Гулиев против России*» (*Guliyev v. Russia*), от 19 июня 2008 г., жалоба № 24650/02, пункт 39; и «*Григорьевских против России*» (*Grigoryevskikh v. Russia*), от 9 апреля 2009 г., жалоба № 22/03, пункт 57). Справки и заявления надзирателей, следовательно, имеют для Суда малую доказательную ценность.

43. Обращаясь к копиям страниц журнала учета численности заключенных, предоставленных Властями, Суд отмечает, во-первых, тот факт, что Власти предпочли предоставить копии лишь некоторых страниц, охватывающих тридцать шесть дней из тех 354, что заявитель провел в следственном изоляторе. Суд находит такие неполные и избирательные доказательства неубедительными (см. аналогичное обоснование в вышеуказанных постановлениях по делам «*Сударков против России*», пункт 43; и «*Кокошкина против России*», пункт 60). Кроме того, Суд отмечает, что на тридцати шести страницах в записи в отношении количества лиц, содержащихся в камерах вместе с заявителем, были внесены заметные исправления, путем стирания

одной цифры и написания поверх нее другой, всегда соответствующей количеству спальных мест в камере. Важно отметить, что на каждой странице были изменены лишь те записи, которые касались камеры заявителя, записи в отношении других камер остались нетронутыми. В записи, отражающие общее количество заключенных, находившихся в камере заявителя, и общее количество заключенных во всем следственном изоляторе, были также явно внесены изменения. Власти не указали точного времени и цели внесения исправлений в журнал. Суд уже устанавливал, что изменения, вносимые в журнал учета численности заключенных без каких-либо объяснений относительно их происхождения, причин и сроков, делают содержащуюся в нем информацию недостоверной (см. постановление Европейского Суда от 10 мая 2012 г. по делу «Глотов против России» (*Glotov v. Russia*), жалоба № 41558/05, пункт 25).

44. Кроме того, Суд отмечает, что он уже установил, что следственный изолятор № ИЗ-77/3 был сильно переполнен в то время, когда там содержался заявитель (см. постановление Европейского Суда от 29 марта 2011 г. по делу «Владимир Соколов против России» (*Vladimir Sokolov v. Russia*), жалоба № 31242/05, пункты 47 и 58-64, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2012 г. по делу «Колунов против России» (*Kolunov v. Russia*), жалоба № 26436/05, пункты 30-38, где в отношении заявителей, содержащихся в данном следственном изоляторе в 2005 г., было установлено нарушение статьи 3 Конвенции). Изучение выдержек из журнала учета численности заключенных, представленных Властями, подтверждает этот вывод. Действительно, они доказывают, что в большинстве камер в следственном изоляторе число заключенных превышало количество спальных мест. Суд считает уместным отметить, что только камеры, в которых содержался заявитель, не были затронуты этой проблемой, в частности, принимая во внимание явные изменения записей, касающихся тех самых описанных выше камер.

45. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что Власти не смогли полностью обосновать свой довод о том, что число заключенных в камерах, где содержался заявитель в ходе предварительного следствия, не превышало проектной вместимости камер. Соответственно, Суд принимает доводы заявителя о том, что камеры в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 были переполнены.

46. Наконец, Суд не может не отметить, что планы камер, представленные Властями, демонстрируют, что в каждой камере значительную часть общей площади занимали спальные койки. На остальном пространстве находились стол и скамья, шкаф и отгороженный отсек, в котором располагался санузел. Такое расположение буквально не оставляло заключенным свободного места, где они могли бы передвигаться (см., аналогичное обоснование в

вышеупомянутом постановлении Европейского Суда по делу «Александр Макаров против России», пункт 94, и постановление Европейского Суда от 25 октября 2011 г. по делу «Ушаков против России» (*Ushakov v. Russia*), жалоба № 10641/09, пункт 42). Отсюда следует, что в течение почти года заявитель сутками находился в своей камере, которая была переполнена, забита мебелью, имея лишь один час для совершения ежедневной прогулки.

47. Суд неоднократно устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием у заключенных личного пространства (см., например, постановления Европейского Суда по делам «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, пункты 97 и далее, ECHR 2002-VI; «Майзит против России» (*Mayzit v. Russia*), от 20 января 2005 г., жалоба № 63378/00, пункты 39 и далее; «Новоселов против России» (*Novoselov v. Russia*), от 2 июня 2005 г., жалоба № 66460/01, пункты 41 и далее; «Андрей Фролов против России» (*Andrey Frolov v. Russia*), от 29 марта 2007 г., жалоба № 205/02, пункты 47-49; «Линд против России» (*Lind v. Russia*), от 6 декабря 2007 г., жалоба № 25664/05, пункт 59; «Власов против России» (*Vlasov v. Russia*), от 12 июня 2008 г., жалоба № 78146/01, пункты 79 -85; вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против России», пункты 120-166; постановление Европейского Суда от 1 марта 2012 г. по делу «Дмитрий Сазонов против России» (*Dmitriy Sazonov v. Russia*), жалоба № 30268/03, пункт 28-33; вышеуказанные постановления Европейского Суда по делам «Колунов против России», пункты 30-38; и «Зенцов и другие против России», пункты 38-45).

48. Принимая во внимание прецедентную практику по данному вопросу и материалы, представленные сторонами, Суд приходит к такому же выводу и в настоящем деле. Тот факт, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с таким количеством других заключенных, сам по себе являлся достаточным обстоятельством для того, чтобы вызвать стресс и страдания, которые по своей мере превышали неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей, и вызывали чувство душевной боли и неполноценности, которые могли оскорбить и унижить его. Утверждения Властей о том, что он проводил много времени вне камеры (см. пункт 37 выше), не подкреплены доказательствами.

49. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя в следственном изоляторе ИЗ-77/3 г. Москвы, которые явились бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу положений данной статьи.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель жаловался на нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, ввиду того, что не имелось никаких оснований для его содержания под стражей, и что национальные суды не придали должного значения аргументам стороны защиты. Ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, он жаловался на нарушение его права на судебное разбирательство в разумный срок, и утверждал, что постановления о продлении срока содержания под стражей не были достаточно обоснованными. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 5 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть осуществлено предоставлением гарантий явки в суд...»

А. Приемлемость жалобы

51. В отношении жалобы заявителя на то, что его содержание под стражей было незаконным, Суд отмечает, что 17 декабря 2004 г. Хамовнический районный суд г. Москвы вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. Срок содержания заявителя под стражей продлевался национальными судами несколько раз.

52. Национальные суды при принятии таких решений действовали в рамках своих полномочий, и нет оснований полагать, что данные решения являлись недействительными или незаконными в рамках национального законодательства. Вопрос о том, являлось ли обоснование таких решений достаточным и соответствующим, рассматривается ниже в связи с вопросом о соблюдении пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу

«Худоеров против России» (Khudoyorov v. Russia), жалоба № 6847/02, пункты 152 и 153, ECHR 2005-X (выдержки)).

53. Суд считает, что содержание заявителя под стражей было совместимо с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции. Из этого следует, что данная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная согласно пунктам 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

54. Что касается жалобы заявителя на нарушение его права на судебное разбирательство в разумные сроки или освобождение до суда, Суд не считает ее явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

55. Заявитель утверждал, что национальные суды не привели «существенного и достаточного» обоснования для содержания его под стражей в течение почти одного года. Он предлагал внести залог. Тем не менее, национальные власти постоянно продлевали срок его содержания под стражей, не приводя конкретных доводов в поддержку своего вывода о том, что он может скрыться, помешать расследованию или повторно совершить преступление. Они переложили бремя доказывания обратного на заявителя.

56. Власти утверждали, что решение о заключении заявителя под стражу было законным и обоснованным. Национальные суды рассмотрели такие факторы, как данные о личности заявителя, его возраст, состояния здоровья и род занятий. Они также рассматривали возможность применения более мягкой меры пресечения. Информация, представленная судьям, тем не менее, дала им основания полагать, что в случае освобождения заявитель может скрыться или помешать ходу правосудия. Они также приняли во внимание тяжесть предъявленных ему обвинений. Поэтому досудебное содержание заявителя под стражей было произведено на «существенных и достаточных» основаниях. Кроме того, продолжительность содержания под стражей не была чрезмерной. Уголовное дело было сложным, поскольку в нем было тридцать девять обвиняемых, множество свидетелей и многочисленные вещественные доказательства. Власти заключили, что пункт 3 статьи 5 Конвенции не был нарушен.

57. Суд отмечает, что заявитель содержался под стражей с 14 декабря 2004 г. 8 декабря 2005 г. суд первой инстанции признал его виновным в совершении преступления, назначил ему испытательный срок, и сразу же освободил. Период содержания под стражей,

рассматриваемый в данном деле, соответственно, составил почти двенадцать месяцев.

58. Суд уже много раз изучал жалобы против России, в которых поднимались те же вопросы в отношении требований пункта 3 статьи 5 Конвенции, и устанавливал факт нарушения данной статьи по причине того, что национальные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей, главным образом, исходя из тяжести предъявленных обвинений, и используя шаблонные формулировки без обращения к конкретным фактам и без рассмотрения альтернативных мер пресечения (см., среди других прецедентов, вышеуказанное постановление по делу «Худоеров против России»; постановления Европейского Суда по делам «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*), от 8 февраля 2005 г., жалоба № 45100/98; «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), от 7 апреля 2005 г., жалоба № 54071/00; «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), от 1 июня 2006 г., жалоба № 7064/05; «Пшевечерский против России» (*Pshevecherskiy v. Russia*), от 24 мая 2007 г., жалоба № 28957/02; «Соловьёв против России» (*Solovyev v. Russia*), от 24 мая 2007 г., жалоба № 2708/02; «Игнатов против России» (*Ignatov v. Russia*), от 24 мая 2007 г., жалоба № 27193/02; «Мишкеткуль и другие против России» (*Mishketkul and Others v. Russia*), от 24 мая 2007 г., жалоба № 36911/02; «Шухардин против России» (*Shukhardin v. Russia*), от 28 июня 2007 г., жалоба № 65734/01; «Белов против России» (*Belov v. Russia*), от 3 июля 2008 г., жалоба № 22053/02; «Матюш против России» (*Matyush v. Russia*), от 9 декабря 2008 г., жалоба № 14850/03; вышеуказанное постановление по делу «Александр Макаров против России»; постановления Европейского Суда по делам «Авдеев и Веряев против России» (*Avdeyev and Veryayev v. Russia*), от 9 июля 2009 г., жалоба № 2737/04; «Ламажик против России» (*Lamazhyk v. Russia*), от 30 июля 2009 г., жалоба № 20571/04; «Макаренко против России» (*Makarenko v. Russia*), от 22 декабря 2009 г., жалоба № 5962/03; «Гультяева против России» (*Gultyayeva v. Russia*), от 1 апреля 2010 г., жалоба № 67413/01; «Горошченя против России» (*Goroshchenya v. Russia*), от 22 апреля 2010 г., жалоба № 38711/03; «Логвиненко против России» (*Logvinenko v. Russia*), от 17 июня 2010 г., жалоба № 44511/04; «Сутягин против России» (*Sutyagin v. Russia*), от 3 мая 2011 г., жалоба № 30024/02; «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), от 31 мая 2011 г., жалоба № 5829/04; «Романова против России» (*Romanova v. Russia*), от 11 октября 2011 г., жалоба № 23215/02; и «Валерий Самойлов против России» (*Valeriy Samoylov v. Russia*), от 24 января 2012 г., жалоба № 57541/09).

59. Кроме того, Суд отмечает, что ранее он уже рассматривал похожие жалобы, поданные другими обвиняемыми по делу, где признал нарушение их прав, закрепленных в пункте 3 статьи 5

Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова против России» (*Dolgova v. Russia*), жалоба № 11886/05, пункты 38-50; постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу «Линд против России» (*Lind v. Russia*), жалоба № 25664/05, пункты 74-86; вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Колунов против России», пункты 48-58; и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Зенцов и другие против России», пункты 56-66). В каждом случае Суд отметил, в частности, ссылку национальных судов на тяжесть обвинений как основной фактор для оценки вероятности того, что заявитель может скрыться, повторно совершить преступление или воспрепятствовать отправлению правосудия; их нежелание уделить должное внимание анализу личной ситуации заявителя или факторам, свидетельствующим в пользу его освобождения; использование постановлений о заключении под стражу в отношении группы лиц, без индивидуальной оценки оснований для содержания под стражей в отношении каждого обвиняемого; и отказ тщательно изучить возможность применения другой, менее жесткой меры пресечения, такой, как внесение залога.

60. Рассмотрев все представленные материалы, Суд полагает, что Власти не предоставили каких-либо фактов или аргументов, способных привести к другим выводам по настоящему делу. Действительно, национальные суды пришли к выводу о риске побега, повторного совершения преступления или вмешательства в ход правосудия фактически на основании тяжести обвинений, выдвинутых против заявителя. Они не указывали на какие-либо аспекты характера или поведения заявителя, которые оправдывали бы их заключение о том, что такой риск в отношении заявителя имеет место. Они не уделили никакого внимания важным и имеющим отношение к делу фактам, подтверждающим ходатайства заявителя об освобождении и снижении вышеуказанных рисков, таких, как отсутствие у него судимости, наличие постоянного места жительства и положительные характеристики. Также они не рассматривали возможность обеспечить явку заявителя в суд путем использования более мягкой меры пресечения. После передачи дела на рассмотрение в июне 2005 г., национальные суды выносили постановления о продлении срока содержания под стражей в отношении группы лиц, используя одну и ту же общую формулировку при отказе в удовлетворении ходатайств об освобождении и при продлении срока содержания под стражей в отношении тридцати девяти человек, несмотря на явное ходатайство стороны защиты о рассмотрении ситуации каждого задержанного в индивидуальном порядке.

61. Таким образом, Европейский суд считает, что, не представив конкретных соответствующих фактов, и, основываясь лишь на тяжести

предъявляемых обвинений, Власти продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, являясь «соответствующими», не могут рассматриваться как «достаточные». В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли судебное разбирательство проведено с «должным усердием».

62. Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

63. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

64. Заявитель требовал 1 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

65. Власти Российской Федерации сочли, что данное требование является чрезмерным.

66. Суд отмечает, что заявитель содержался под стражей почти год, в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, и без указания достаточного обоснования применения данной меры пресечения. В данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и переживания заявителя не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

B. Расходы и издержки

67. Заявитель не требовал возмещения расходов и издержек. Следовательно, нет необходимости присуждать компенсацию по данному пункту.

B. Проценты за просрочку платежа

68. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной

ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявляет* жалобы, касающиеся условий и чрезмерной длительности содержания заявителя под стражей, приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *постановляет*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
4. *постановляет*:
 - (а) что власти Государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 6 000 (шесть тысяч) евро в валюте Государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;
5. *отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 11 апреля 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель